

ЖИЗНЬ, ОБОРВАВШИСЬ, ПРОДОЛЖИТСЯ!..

Нет, не могу представить – даже при всей фантастичности любимовского возраста в 97 лет! – что его больше нет.

Он жил и, родившись в день Веры, Надежды, Любви, вселял в нас веру в то, что жить нужно и можно долго, интересно, плодотворно, достойно, творчески...

Он жил и наделял нас надеждой: мол, всё у тебя, человек, получится! Я вот, говорил, – из крестьянского ярославского рода, а смотри: меня знает весь мир – держай и ты, не ленись!..

Он жил и учил нас любви. Учил ненавязчиво, исподволь, со сцены – в образах, подтекстах, скрытых смыслах. Учил той деятельной любви – к правде и истине, без которых жить человеку становится невыносимо.

Чтобы представить настоящую величину Любимова, его масштаб, надо бы оказаться в Москве конца 60-х годов. Имя Любимова гремело, будто набатный колокол. И сегодня, оглядываясь, понимаешь, что то была эпоха Любимова и что в русской культуре Любимов по праву занимает место рядом с великими – Станиславским, Немировичем-Данченко, Вахтанговым, Таировым, Мейерхольдом, Завадским, Товстоноговым...

Поистине Любимов – знак судьбы и для нашего Данилова. Визит именитого земляка в ноябре 2011 года – незабываемая городская «минута славы». Мы вместе с Любимовым прогремели тогда, наверно, по всем телеканалам и газетам страны... А теперь наступает пора – хранить память. Все, кто видел в те дни Юрия Петровича, кто перебрался с ним хотя бы парой слов, – записывайте свои впечатления; все, кто снимал, – храните фотоснимки для истории. Потому что теперь наш городок поймет, что без музея Любимова даниловская жизнь не полна и что любое свидетельство о знаменитом «абрамовце» бесценно. Наверно, со временем у нас появится улица Любимова; наверно, у родной его деревни Абрамово (увы, бывшей) встанет памятный знак, а в будущей аллее знаменитых горожан откроют бюст Мастера. Пока же сегодня даниловцы, скорбя, принесли цветы к дому с памятной доской – к тому дому, который построил дед Любимова и который помнит Мастера мальчишкой. Пока же сегодня, 8 октября, в Театре Вахтангова вся Москва, вся Россия прощаются с Юрием Петровичем Любимовым. И провожают его в последний путь – на Донское кладбище, к отцу и матери, к брату.

Царство Небесное!.. Вечная память...

Руслан АРМЕЕВ.
Октябрь, 2014.

НАШ ЧЕЛОВЕК – ЮРИЙ ЛЮБИМОВ

У знаменитого артиста и режиссёра – даниловские корни

Руслан АРМЕЕВ

Было это ещё в 2008 году. Моя одноклассница Нина привела меня к своей маме – она, мол, тебе та-а-кое расскажет! А у мамы – Натальи Васильевны Малятиной – на 90-м году были руки крепкие, глаза зоркие, уши чуткие, память цепкая, ум ясный. «Ноги вот подводят, – сказала, – через скакалку прыгать отказываются». Но мы и не прыгали, а сидели с ней за уютным столом, пили чай, разговаривали.

– Помню, году в 50-м, – рассказывала она, – посмотрела я фильм «Кубанские казаки» и говорю мужу: а ведь вон того колхозного парня играет кто-то знакомый, не узнаёшь?.. На афише нашла фамилию – Юрий Любимов. Значит, точно, – из наших он, из абрамовских Любимовых!.. Пошёл в кино приятель мужа – родом деревенский – и тоже подтвердил: наш Любимов, из Абрамова. Их породу с другой не спутаешь...

Абрамово – кто не знает – это была небольшая деревня у Романовской дороги, километрах в десяти к югу от города. Да-да, была, а сейчас там чисто поле. В одном из домов располагался Абрамовский сельсовет. Так что место бойкое, проходное. Наталья Васильевна (родом из соседнего Молчанова) говорила, что девчонками они бегали в сельсовет слушать... кукушку – часы там такие были, с «ку-ку». Двухэтажный дом Любимовых – крепкой большой семьи – в 20-х годах тоже все знали. Летом населения в нём прибывало: наезжали родственники с детьми.

– Так что же вы, Наталья Васильевна, столько лет молчали? – обращался

я не без укоризны к моей собеседнице.

– Нет, не молчала – мы дома говорили, со знакомыми обсудили. Мы всегда знали, что Любимов – это наш парень, абрамовский, следили за его приключениями...

Кто-то, быть может, 90-летней Ма-

лятиной мог не поверить, но только не я. Открыл срочно раздобытую книжку воспоминаний Юрия Петровича Любимова под ироничным названием «Рассказы старого трепача» и стал выписывать абзацами всё про Абрамово и про абрамовскую, давней поры, жизнь:

«Дед и бабка были крепостными. Когда отменили крепостное право в 1861-м году, они очень рано женились, и он очень умело вёл хозяйство – по-советски, наверно, «кулак» назывался. Крестьянин. Он был грамотный, очень верующий, был церковным старостой, пользовался большим уважением в деревне. У него был великолепный сад, его руками сделанный. Дом стоял – хороший сруб в два этажа, крытая железом крыша, хорошо покрашенная. Мы любили по ней бегать, а дед гонял.

Дед жил в деревне Абрамово, а я родился в Ярославле 30 сентября 1917 года – за несколько дней до революции всё-таки я успел проскочить. Вера, Надежда, Любовь, мать их София и я... С пяти лет моя семья переехала в Москву.

Отец потом привозил нас к деду...

Руслан АРМЕЕВ

родился в городе Данилове Ярославской области в 1940 году. Окончил в 1957 году Даниловскую школу № 2 с золотой медалью. Работал строгальщиком на Даниловском механическом заводе, музыкальным руководителем в Даниловском детдоме. С 1959 по 1964 учился в Москве на журфаке МГУ. Потом год работал литсотрудником в ярославской газете «Северный рабочий», а с 1965 года до 2000-го был корреспондентом газеты «Известия». Сегодня – «свободный художник». Летом живёт в Данилове, зимой – в Москве, публикуется в местной и центральной прессе. Награждён Почётным знаком Союза журналистов России «За заслуги перед профессиональным сообществом». Почётный гражданин города Данилова Ярославской области.

Данилов,
ул. Урицкого,
д. 45а – бывший
дом деда, Захара
Петровича
Любимова,
перевезённый
в 30-х годах
из деревни
Абрамово.

Мать Юрия
Любимова –
Анна
Александровна
в годы учёбы
в гимназии.

Анна
Александровна
в зрелые годы.

Отец Любимова –
Пётр Захарович.

Дед оставался главой семьи. Все садились за стол, и только с разрешения деда, после молитвы, все начинали есть. И отец деда всегда называл на «вы» – так же, как я отца всю жизнь: «папа, вы».

Видимо, это было несколько лет – в деревню мы приезжали на лето. Сперва, я помню, мы с братом приезжали, значит, ещё Наташи (*сестры – Р.А.*) не было, а потом мы втроём приезжали. Значит, это несколько раз было. И в ночное лошадей там гоняли, и на сеновале прыгали, и спали. И помню ещё всякие эпизоды такие – как двоюродные братья мои, здоровеннейшие – род был сильный – они, если выпивали, то жеребца – рыжий жеребец был прекрасный, звали его Барон – они подлезали под него и таскали, кто дальше пронесёт, сколько шагов. Такие развлечения. В городки они очень любили играть – с коваными битами – одной битой вышибали фигуры. Лихо играли, деревня на деревню. Ну, потом, конечно, и страшные драки я видел, деревня на деревню.

Мне врезались какие-то черты детства. Например, когда я прыгнул со стола. Дед сказал:

– Выгони корову из сада, – а я на столе танцевал... И я прыгнул и попал на осколки стекла керосиновой лампы, и она у меня вся в пятку вошла. Ну, и мама стала кричать:

– Господи!.. Скорей врача!

Дед ей сказал:

– Замолчать!

Мне дал хорошую подзатрещину, положил на колено, вынул перочинный нож, прокалил его на спичках, вытер и потом начал выковыривать все стёкла из пятки. Я стал орать, он

мне изредка давал подзатыльник, чтоб я прекращал орать.

Он всё выковырял, посмотрел, что нет там стёкол больше, залил йодом, перевязал ногу, отнёс в сад и сказал двоюродной сестре:

– Сорви ему яблоко и ягод.

У него были прекрасные яблоки – антоновка, чёрная смородина, малина, – замечательный сад. И мне врезалось, что дед разрешил, а двоюродная сестра сразу стала воровать: набирать за пазуху яблок – и я это помню. Потому что мне было больно, и всё-таки я ей говорил:

– Как тебе не стыдно, Пашка? Дед тебе разрешил взять яблоко, а ты воруюшь и столько набрала яблок!

Это вот какие-то первые понятия, что плохо, что хорошо, что нельзя врать. Как можно не слушать деда!

Видите, это врезается на всю жизнь.

И также он плавать меня учил. Взял в охапку и бросил в пруд – там карасей мы ловили – и я выплывал. Я выплыл с трудом – ну так, по-лягушачьи, он опять меня бросил. Таким образом, я стал плавать.

Он замечательно собирал грибы, он их фантастически находил. Я смотрел за ним, и он меня научил, как собирать грибы. И когда он был уже не в себе, гонял меня:

– Уйди, чего ты за мной всё ходишь.

А я боялся его одного оставлять. Я отбегал, а потом опять приходил, чтобы отвести его домой.

Дед носил окладистую бороду, имел иконописное лицо и мне всегда напоминал Николая Чудотворца».

Извини, читатель, за столь длинные цитаты из книги. Но ведь это впервые о наших краях – впервые от Юрия Петровича Любимова, народного артиста России, основателя и художественного руководителя легендарного московского Театра на Таганке... Вот ещё абзац – по смыслу трагедийный:

«Я хорошо помню трагическую участь деда, как его глубоким стариком выгнали из дома, и он ничего не понял, он думал, что это просто хулиганье, бандиты пришли его грабить. Он был сильный старик, стал их прогонять из своего дома, взял коромысло, ему было восемьдесят шесть лет. Они его выкинули на снег; и с ним был инсульт. С трудом его всё-таки родственники отходили, посадили

в поезд, и он приехал с бабушкой в Москву. Отец в это время сидел, и встречал деда на вокзале я, мальчишкой совсем. Сколько мне было? Лет 12 – коллективизация начиналась... И я помогал носить вещи деду, он плохо ходил после удара, рука не работала, и я до сих пор помню, как за то, что я ему помог перетаскать на третий этаж все их нехитрые пожитки, он дал мне большой серебряный рубль. Я был удивлён и пролепетал:

– Что вы, дедушка!

Дед наставительно произнёс:

– За всякий труд надо платить. Вот они не платят, и ничего у них не получится. Запомни, внучек».

Рассказ этот подтверждается документом, который воспроизведён в книге, – копия «личной карточки на хозяйство гр-на Любимова Захара Петровича – округа Ярославского, района Даниловского, селения Абрамово (Абрамовский сельсовет), – подлежащего выселению в порядке раскулачивания». В «личной карточке» немало граф. Водной помечен возраст выселенца – 86 лет, в другой поименована его жена – Любимова Агафья Никифоровна, 84 года. Странно, что на пространстве одной страницы «гр-на Любимова», некогда крепостного, называют то кулаком, то купцом, то торговцем, а то и помещиком. Причины раскулачивания: «Бывший помещик, имевший 200 десятин земли, бывший купец, имевший рыбную торговлю в гор. Ярославле и в деревне,

Юрий со старшим братом Давидом.

лишённый избирательных прав, до революции в Ярославле имел 2 дома, в д. Абрамово имел маслодельный завод, до революции в д. Абрамово в поместье и маслодельном заводе имел постоянных 15 человек и поденных от 20 до 30 человек». (Надо же! – воскликнул я в скобках. – Сколько рабочих мест обеспечивал один дед-Любимов в маленькой деревне Абрамово, где сегодня – ни кола, ни двора и ни души! А масло?! Дополненно знаю, что маслом с соседнего Тороповского маслодельного завода до революции торговали в Париже. И Любимов, буду думать, в грязь лицом не ударял – марку держал).

В последней графе «личной карточки» – место для резолюции: «Бедняцкое собрание постановило (ох, знаем мы теперь, как такие собрания созывались, знаем, откуда и кто диктовал им тексты резолюций!) как

Молодой режиссёр
Юрий Любимов.

Любимовские роли.

лишенца, как бывшего купца, имевшего торговлю в г. Ярославле и в деревне, выселить с конфискацией всего имущества». Тут же дата – 9 февраля 1930 года. А ниже приводится решение президиума райисполкома, узаконившего постановление Абрамовского сельсовета. Только вот строчка о конфискации более конкретна: «конфисковать дом, постройки, средства и орудия производства». Есть и подпись – непонятно: не то председателя, не то секретаря РИКа (Даниловского).

Подпись, конечно, неразборчива. Но две-три буквы угадываются: имя начинается на «Д», фамилия, похоже, – на «Се...». Впрочем, надо ли открывать «охоту на ведьм»?..

Самое удивительное в этой истории то, что двухэтажный дом, построенный и обжитый дедом Юрия Петровича Любимова, дом, в котором под крылом деда проходило детство Артиста, сохранился, хотя, как я уже говорил, от деревни Абрамово осталось ныне пустое место. Стоит этот

родовой любимовский дом в стольном нашем граде Данилове, на – ирония судьбы! – улице, названной в честь председателя Петроградского ЧК, одного из организаторов «красного террора», Моисея Урицкого, – № 45а, – и исправно несёт свою домовую службу, то есть даёт кров даниловским жителям, зная не знающим, чьи стены стали для них родными (долгожители, правда, помнят, что «перевезён дом из какой-то деревни»).

Дом этот опознала всё та же Наталья Васильевна Малятина. Бывала она в нём и во времена Любимовых – со сверстниками-детками играла, бывала в магазине, пристроенном сбоку, заходила и после, когда дом отдали не то под клуб, не то под «красный уголок» – собрания там разные шли, иной раз кино крутили, а однажды, помнит, в самой большой комнате наверху состоялось заседание выездного суда – «судили местного убийцу, дали ему восемь лет...».

Прошёлся я вокруг да около того дома, заглянул внутрь. Ну, чего хотите – коммуналка! Крылечко явно чужеродное, позднее, наличники давным-давно ободраны, железо с крыши – кто скажет, когда испарилось? Да и шифер требует вычинки. Единственная ворюжина, покосившись, висит на одной петле... Но домина-то каков! Огромный! Пятистенок! Как размахнулся дед-то, Захар Петрович! И детям, и внукам, думал, хватит – и век, и другой такой дом простоит! Я стукнул в коридоре по толстому бревну цвета янтаря – зазвенело оно, как молодое. Где дед такой лес валил? Как бревно к бревну подбирал?! Что за славных мастеров нашёл!

Всё о даниловских домах знает местное БТИ. Всё – да не всё!

По их бумагам, появился этот дом в Данилове в 1937 (зловещем!) году, но «документами не подтвержден», то есть, говоря просто, «свидетельства о рождении» не имеет – сирота, подкидыш, непонятно, откуда взялся. Изначально владело домом РАЙПО. Оно-то, судя по всему, подсмотрело в Абрамове полупустующее строение и, конечно же, с разрешения РИКа (райисполкома), перевезло его в город. И не принято было тогда «подтверждать документами», у кого дом отобран и на каком основании. Долгие годы потом жили там работники потребительской кооперации. По старым данным БТИ, в доме – 277,5 кв. метра общей площади, 8 комнат (4 внизу и 4 сверху), крыша, покрытая железом, печное отопление...

Честно скажу, приехав в Москву, я не без волнения набирал номер Юрия Петровича Любимова. Надо бы, конечно, спросить, почему все эти годы он так и не собрался приехать на родину деда, в памятные места своего ягодно-грибного детства. А впрочем, зачем спрашивать – можно догадаться, что он ответит. Когда твоих престарелых деда и бабу вышвырнули из собственного дома на снег, отобрали и дом, и всё-всё-всё, когда лишили прав и велели Любимовым убираться, куда глаза глядят, – зачем, к кому возвращаться?!

Неловко вроде и приглашать человека в гости – приезжайте, мол, тут теперь вам будут рады, хотя тогда и отобрали, и выгнали... Другие времена, другие нравы на дворе, но ведь никто из власти имущих даже речи не заводит о том, чтобы, к примеру, вернуть отнятое, возместить материальный ущерб и моральный вред, никто не скажет – честно, открыто, искренне – тому же Юрию Петровичу Любимову: «Прости!».

Знает ли он о дедовском доме, о том, что дом жив, хотя и изрядно переделан? Может, это станет для него приятной новостью? Может, ностальгия возьмёт своё и пообещает Юрий Петрович по весёлому июню-июлю заглянуть в Данилов, может, найдет на каком-нибудь известном ему одному косяке зарубку, отметившую рост мальчишки в 10 лет...

Но волновался я зря. Едва узнали и Юрий Петрович, и его супруга Каталин о том, что везу фотоснимки дедова дома, передо мной открылся зелёный свет.

– Дом деда?!... А мне говорили, что его давно нет на свете!.. Дайте, дайте!.. – Юрий Петрович берёт фотографии, внимательно вглядывается. – Ох, сразу-то и не узнаешь... Да как же его переделали! Крыша была другая... Здесь тесом обшит, а я помню толстые круглые брёвна. Хотя смотрите – пя-

тистенок! Ну, крыльцо тут смешное, у деда было красивое, большое крыльцо, наличники на окнах красивые. И видите? – дом обращён на улицу боком, а в деревне он стоял по-другому: парадным фасадом служил теперешний бок... Надо-надо бы самому посмотреть, зайти в дом... А ведь похож...

От снимков взволнованный Юрий Петрович переходит к чтению – я расшифровал нашу магнитофонную беседу с Натальей Васильевной, распечатал и вручил ему текст. А она там называет с дюжину абрамовских родственников Любимова. Удивительно! Он все имена радостно подтверждает, добавляя свои подробности.

– Почему не приезжал в Абрамово, в Данилов? Собирался, да всё как-то было недосуг... Вот в Ярославль меня приглашали с театром, а потом забыли, замаяли – передумали? Я ведь человек неугодный...

«Если всё-таки сказать о самом главном, то стараюсь меньше врать, а также делать всё, что могу, в силу своих возможностей и отпущенного мне Господом Богом таланта». А ведь и Театр на Таганке снискал признание зрителей и ненависть властей, завоевал себе имя и место в истории тем, что не врал...

– Приехать в Данилов летом?.. А сколько это километров? За сколько часов на машине можно доехать? Когда там ягоды поспевают? Но не забывайте, что мне 91-й год...

– Нет, зла ни на кого не держу. А деда давно реабилитировали, вернули ему все права. Вот только самого деда не вернёшь... К сожалению, жизнь без беды не бывает...

– Я с благодарностью вспоминаю деда Захара Петровича. Здоровье у меня крепкое, натура жилистая – от него, ну, и от отца, конечно, это гены, могучая мужицкая кровь. Дед научил меня не врать, научил «держаться удар»...

Юрий Петрович по моей просьбе подписывает свою книгу воспоминаний – почерк ровный, твердый, красивый: «Даниловскому музею на добрую память. Ваш земляк Ю. Любимов. 17 апреля 2008 г.». Происходит это в его знаменитом кабинете, на стенах которого (такова здесь традиция) – бесчисленные автографы поэтов, писателей, актёров, учёных, политиков со всего мира – почитателей этого удивительного Театра и его неутомимого Создателя.

Почему-то раньше я неизменно думал, что бунтарь и реформатор театра Юрий Любимов весьма далёк от веры, от православия, и здорово ошибался. Знаете, с чего начинаются его воспо-

минания о своём детстве? С крещения, с крестильной купели! А крестили его поздно, года в два.

«Я помню, – пишет Юрий Петрович, – как меня крестили. Мне кажется, что первое моё впечатление от жизни – это купель под водой: меня окунули в чашу серебряную – ух! – и я вышел. Наверно серебряную, потому что уж очень она сияла. И вода в сиянии в сильном вибрирует... И мне эта купель всё время мерещится, преследует».

Но не вспомнил он, где его крестили, – то ли в Ярославле, то ли в деревне, у деда. Дед Любимова – Захар Петрович, из Абрамова, – был церковным старостой. Ближайшая к Абрамову церковь – тороповская, Воскресенская. Значит, там?

Храм этот и деда вспоминал он, когда уже в Москве пошёл первый раз в школу:

«Рядом со школой церковь была,

которую закрыли. И помню, первое моё упрямство проявилось, когда учительница сказала:

– Дети, давайте проголосуем, что они мешают нам учиться.

Ходили в эту церковь пожилые люди, на Пасху красиво, на праздники церковные, а моя парта была у окна, и часто я с большим интересом смотрел, как идут в церковь, так как дед водил меня в церковь, я даже мальчиком прислуживал...

Учительница потребовала, чтобы мы проголосовали за закрытие церкви – дети. И там я не поднял руки, чтобы закрыть её.

– А ты, мальчик, почему?

– А зачем? Мне они не мешают.

– Тебя родители научили?

– Нет, никто меня не учил. Это я сам, не хочу.

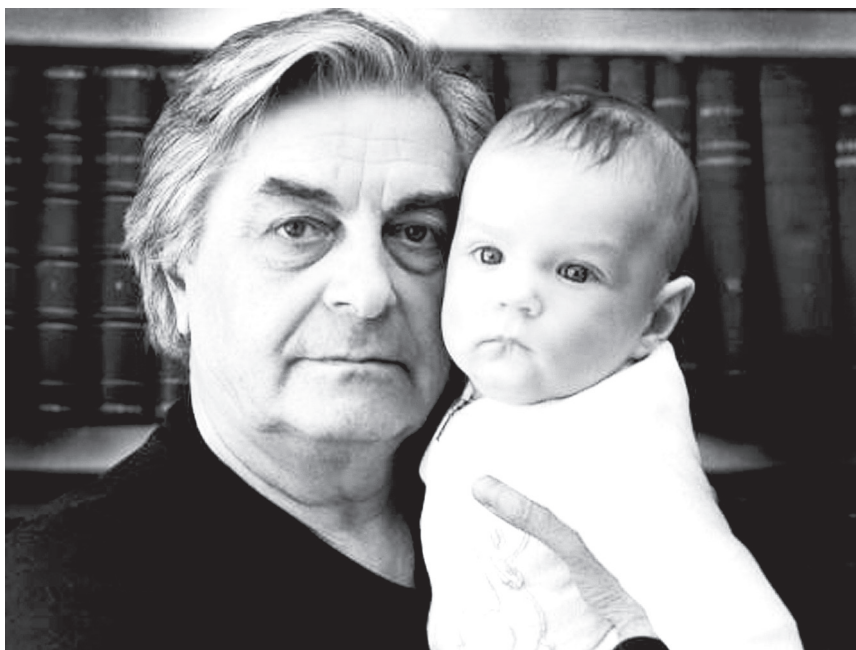
– Но ты же видишь, все подняли руки.

– А я не буду поднимать.

– Иди домой, пришли маму».

Юрий Любимов мальчишкой прислуживал в Воскресенской тороповской церкви?! Краеведы, возьмите на заметку.

Ну, ладно, в детстве мы одни, а уж повзрослев, становимся совсем другими – порой с годами и вера куда-то испаряется. Но это не про Юрия Петровича. Вот его «взрослое» откровение:

Юрий и Пётр
Любимовы.

Счастливое
семейство
Любимовых:
Каталин, Юрий,
Пётр.

«Я ходил в Воздвиженскую церковь. Были какие-то годы, когда я менее соблюдал ритуалы, а в последнее время я довольно часто хожу в церковь, причащаюсь. Там, где я жил, в Сокольниках, рядом хорошая церковь Иверской Богоматери. И был праздник чудотворных икон

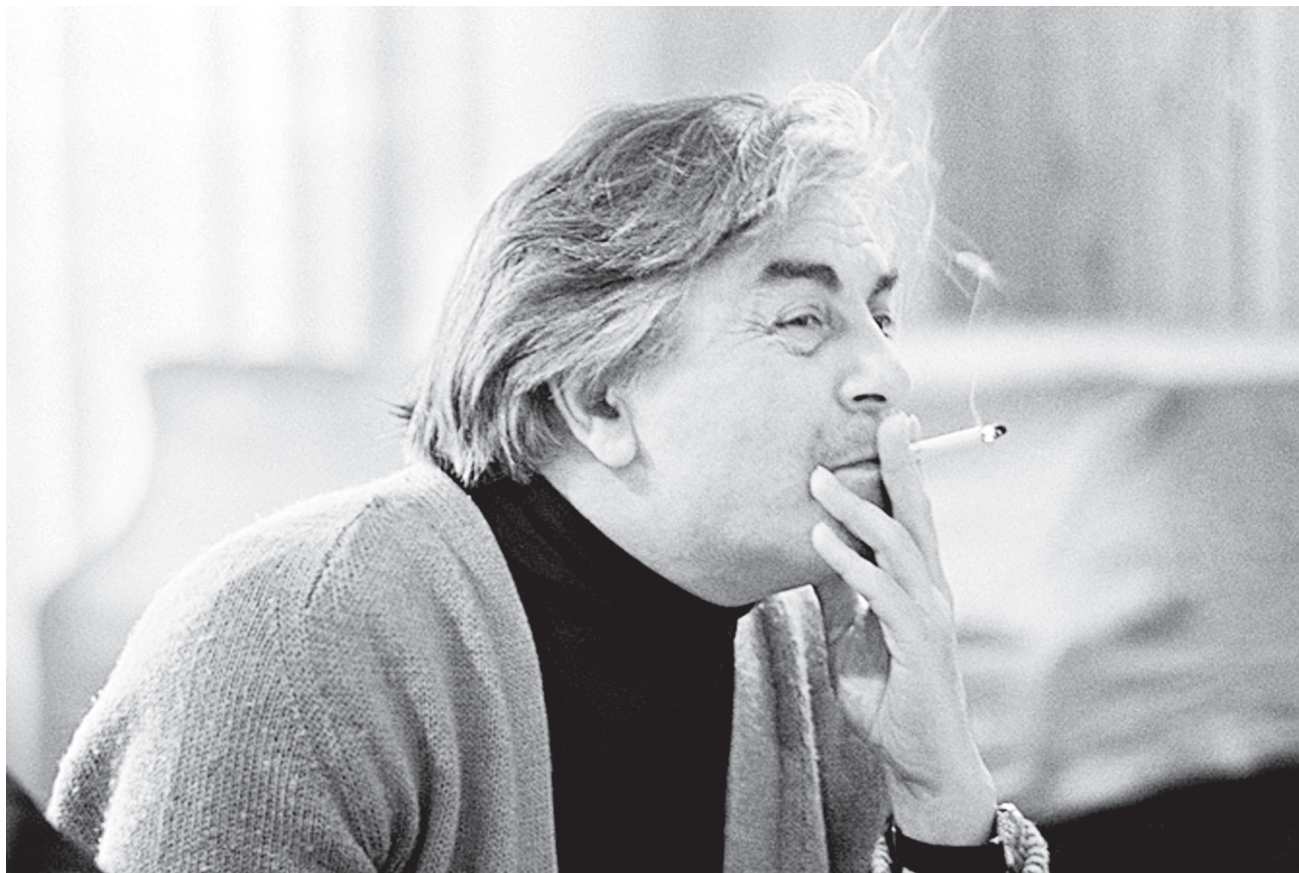
Иверской Богоматери. И вот когда кончился праздник, очень похоже было, как на Троицу, знаете, берёзы вокруг, и потом остались женщины и сами пели, уже после службы, молитвы. И я вдруг увидел такие прекрасные просветлённые лица, они с таким вдохновением пели, что это мне очень потом помогло, когда я делал «Бориса». (*Спектакль «Борис Годунов», запрещённый в Театре на Таганке в 1982 году и восстановленный в 1988-м. — Р.А.*).

От имени вновь обрётённых земляков-даниловцев я подарил директору и худруку «Таганки» буклет о Даниловском Казанском монастыре, Юрий Петрович был тронут и с интересом рассматривал старые снимки, особенно тот, где среди монахинь, клира и прихожан запечатлён Патриарх Тихон.

— А я и не знал, что этот великий русский праведник был в Данилове!.. Не знал, что служил он в даниловских храмах, — Любимов не скрывал радостного изумления. — А ныне действующий патриарх к вам приезжал?.. Как же так! Разве не долг любого иерарха побывать там, где ступала нога святителя Тихона?! Как бы довести до Святейшего эту мысль?

А ведь ещё почти не было речи об

отце и матери Юрия Петровича – всё о деду да о деду из Абрамова. Кстати, дед вскоре по прибытии в Москву и скончался. Поселили его с бабушкой подальше от инспекторских глаз (лишёнцы, раскулаченные!), в дачной Малаховке.

«Там дед и умер, – пишет в своей книге Любимов. – Он умирал совершенно как святой, ночью крикнул: – Вставай, приведи священника!

Это было в Малаховке, и я бегал по этой не то дачной местности, не то деревне ночью. И отыскал священника, привёл. Свеча у деда горела, он сказал бабушке свои наставления, потом мне сказал, что я должен передать Петру. Он так отца звал – Пётр. И по-библейски совершенно – закрыл глаза и отошёл».

Между прочим, Пётр – отец – он ведь тоже из Абрамова, только рано вылетел из родного гнезда. Ещё до революции перебрался в Ярославль, а поскольку окончил коммерческое училище, то и служил по профилю – в торговле. В 1922 году Пётр Захарович с семьёй переехал в Москву. Юрий Петрович для отца красок и подробностей не жалеет:

«Папа работал в какой-то шотландской компании, которая торговала рыбой (в годы нэпа – Р.А.). Рыба, икра, сельдь. Это я по разговорам только помню.

Потом у папы в Охотном ряду был магазин. С купцом Головкиным –

«Головкин и Любимов». Соления: огурцы, грибы, сельдь – все мочёности: яблоки мочёные, арбузы, всевозможные капусты – магазин солений. Я, конечно, там бывал часто...

Я помню, что у отца были большие склады, огромные бочки-дошники, где солили капусту, и как сидели эти бабы, а мы ребятишки все туда бегали есть кочерыжки, когда капусты разгар, засаливали на всю зиму эти огромные кадки. У самого берега Москвы это было. Это был большой участок земли, наверно гектара полтора два – там были большие склады для этого магазина и, видимо, для оптовой продажи».

Запомнилось мальчишке, что отец очень любил красивые вещи.

«Входил в комнату и говорил маме: – Анна, парадно! Сними все чехлы с гостинной. Зажигай люстры. Поставь красивый сервиз кузнецовский.

Мама в испуге говорила:

– Кто-то придёт? Ты не предупредил, Пётр!

– Никто не придёт, мы будем сами...

Он очень любил это. Я всегда поражался и спрашивал:

– Папа, зачем так?

Он говорил:

– Ах, ты ничего не понимаешь. Это же красиво. Жизнь одна. Надо уметь жить.

Ну, его и посадили, конечно. Барин, нельзя было терпеть.

– Ну-ка, голубчик, обгони этот

Те «Десять дней» надо сначала понять и увидеть самому...

Знаменитый кабинет главрежа Таганки. Владимир Высоцкий и Юрий Любимов.

трамвай! – это он на лихаче катит меня из Сандуновских бань, – по радуй мальчика моего, давай, обгони трамвай!

Тот:

– Сделаем, Пётр Захарович!

И тут же эту «аннушку» обходит – трамвай носил букву «А» вместо номера.

Он своеобразный человек был, независимый, властный – после смерти деда он стал главой нашей фамилии.

Очень любил историю, от него осталась библиотека прекрасная. Там и Карамзин, и Соловьёв, и Костомаров, и много других хороших книг. Отец любил их читать и приучал и нас читать».

А вот о матери и её отце, то есть своём втором деде:

«Мама была полуцыганка, и дед был очень недоволен этим браком. Мой другой дед – по линии матери – был чистый цыган, но оседлый. Он очень любил лошадей и на выезд держал двух лошадей всегда. Просто из любви к лошадям, хотя не был богат».

Мать Юрия Петровича Анна Александровна выучилась на учительницу, преподавала в младших классах. А сложности в семье начались с окончанием нэпа.

«У папы была своя ложка в театре... Это, наверное, ещё до первого ареста... 26-й год – это нэп и ещё никого не брали. Когда мама сказала мне, что папу арестовали – это я помню, потому что мне стало нехорошо, и я упал в обморок. И мама очень строго сказала: «Встань! Мальчик не может так себя вести!». То есть – строгости, не то, что «Ай-яй-яй!»... Потом маму арестовали в Москве и отвезли в Рыбинск, у них такая методология была – по месту рождения, чтобы сразу оторвать от семьи. Ведь они специально это делали, чтобы дети остались... И был момент в жизни, когда вообще мы остались втроём: сестра, я и брат – взяли и мать, и тётку, и отца. У отца хотели забрать деньги – это ещё был период не политический... А мать взяли, чтобы повлиять на отца, мол, «дети остались одни – раскошеляйтесь, тогда вернём мать». Отец был гордый, сильный, он ничего не говорил им, и у него не было таких денег... А система была такая: брали и увозили в свой город – она родилась в Рыбинске, я совсем мальчишкой маленьким поехал в Рыбинск ей передачу везти... Она была в тюрьме несколько месяцев, потом она вернулась».

Мальчишка запомнил, как «чекисты» привели маму, и мама отдала все свои драгоценности: кольца, серьги – всё отдала.

И об отце: «Я помню, отец пришёл из тюрьмы очень худой, по стенке он шёл, но первые слова были очень строгие:

– Зачем ты всё отдала этим мерзавцам, Анна! Это же жульё, шпана.

Им было мало того, что они всё это взяли, они ещё ломали паркет, искали под полом золото... Но в общем они удостоверились, что таких денег, которые они требовали, у него не было. Они требовали какие-то баснословные суммы».

А вот коротко о старшем брате

и младшей сестре:

«У меня была маленькая сестричка, которая умерла, а нас осталось трое – Наташа сестра и брат Давид. Его дразили в школе... А папа с фантазиями у нас был, он говорил:

– Просто ослы твои мальчишки. Я тебя назвал в честь победы Давида над Голиафом.

Он был очень вольный человек, но, видимо, не учёл антисемитизма, за что брат дорого платил (много дрался в школе). Его били как еврея».

Брат Юрия Петровича, Давид, стал видным полиграфистом, много и полезно работал, развивая эту отрасль.

И снова разговор наш заходит о дедовском доме на улице Урицкого в Даниловском.

– Юрий Петрович, если вы подтвердите, что дом этот тот самый, любимовский, из Абрамова, придётся вешать на нём мемориальную доску. Что бы вы на ней написали?..

– Что бы написал?.. (с горькой усмешкой). Написал бы так: «Вот дом, из которого в 30-м году выкинули на снег моих престарелых деда и бабу».

– Но, может, перед этими словами вставить ещё одну фразу – «Вот дом, в котором проходило счастливое детство – тут идут все ваши титулы – Ю. П. Любимова»?..

– Что ж, нам, мальчишкам, там жилось хорошо...

– А если вдруг, как в Прибалтике, Госдума примет закон о возвращении недвижимого имущества бывшим владельцам, у вас будут все юридические права...

– Да что вы! Там же люди живут! На снег их никто не выселит... Да и зачем мне этот дом? Жить в городе я бы не стал. В деревню, в тишину, можно бы вернуться, но ведь вы говорите – Абрамово порушено...

– Ну, сделали бы там, хоть в одной комнате, музей фамилии Любимовых...

– Это, конечно, интересно. Но ведь этим нужно заниматься! Кто возьмёт на себя такой труд?.. Кстати, факт к размышлению: избран я почётным гражданином многих городов, но только не моего родного – Ярославля.

– Можно, я начну сбор «материала» для такого музея? Ни в одном нашем интервью не нашел ответа на простой вопрос... Вы ведь когда-то закончили ФЗУ и стали электромонтёром...

– Да, было такое училище при Мосэнерго. По столбам с когтями лазил, стены шлямбуром долбил – проводку делал. Так мы в семье решили: сначала заработать рабочий стаж – отпрыска раскулаченного никуда бы не взяли, – а потом уж думать об институте или о театре.

– Так вот у меня простой вопрос: сейчас, случись что, розетку электри-

ческую, к примеру, заменить сможете?

– Конечно, замену. Без проблем...

– Не знаю, Юрий Петрович, чем завлечь вас в наш Данилов, а хочется... У нас, например, есть свой театр. Руководит им Галина Михайловна Прошунина, по профессии рентгенолог, приехала в город с Севера. Человек незаурядный, интересный – сумела победить жуткую болезнь, сумела – вопреки всему – собрать любителей-театралов, ставит пьесы Островского, Лопе де Вега, современных авторов, и сама очень любит театр...

– Надо же! Где-то есть ещё люди, которые любят театр!.. – Юрий Петрович, довольный, смеётся.

Но вернёмся к началу этого рассказа. Фильм «Кубанские казаки», в котором Наталья Васильевна Малятина увидела «парня из нашей деревни», запомнился Любимову особым эпизодом на съёмочной площадке. Подошла к ним «старушка в рваном ватнике, долго стояла, смотрела, а потом спросила: «Милый, из какой жизни это сымают?». Я говорю: «Да из нашей,

бабушка». Она: «Ай-яй-яй, такой молодой – и врешь». Мне было очень грустно тогда, и я внутренне решил вот такими вещами не заниматься. Вот, видимо, это и привело меня к режиссуре в конечном итоге. Что можно всё-таки не врать. Мне вообще никогда не нравилось врать».

Эта тема – «антивранья» – проходит у Любимова через всю жизнь. Вот строчки из очередного его интервью: «Если всё-таки сказать о самом главном, то стараюсь меньше врать, а также делать всё, что могу, в силу своих возможностей и отпущенного мне Господом Богом таланта». А ведь и Театр на Таганке снискал признание зрителей и ненависть властей, завоевал себе имя и место в истории тем, что не врал, а пытался говорить правду...

Разговор с Юрием Петровичем Любимовым (и его супругой Каталиной, которую он зовёт – Катя, Катерина, а то и Катька) мог бы быть бесконечным. Каталин родилась в Венгрии, она – филолог, журналист, психолог.

И, если скажем так: Любимов – президент Театра, то она, конечно, – вице-президент. Историю их любви опишут со временем в увлекательном романе. Когда Любимову было 62 года, Каталин родила ему сына Петю. И теперь, после обучения во многих университетах Европы, Пётр Любимов – полиглот и универсал, пробует себя на разных поприщах, и, надо думать, мир ещё о нём услышит.

Разговор был бы бесконечным, коснись мы с Юрием Петровичем Его Театра, а это ведь и есть Его Жизнь. О Театре на Таганке и о его создателе Любимове написаны тома – читайте! Об актёрах Театра – Владимире Высоцком, Алле Демидовой, Валерии Золотухине и многих других, ставших звездами на театральном небосклоне России, существует огромная литература – изучайте!

Нежданно-негаданно этот звёздный отблеск планеты под названием «Любимов» упал теперь и на город Данилов. Такая судьба.

Данилов – Москва. Апрель, 2008.

«К НАМ ПРИЕХАЛ, К НАМ ПРИЕХАЛ...!»

Юрий Петрович ЛЮБИМОВ – в Данилове

Вот событие, достойное увековечивания в общегородской летописи, если бы таковая существовала: 4 ноября 2011 года, на Казанскую, в город Данилов приезжал всемирно известный театральный режиссёр Юрий Петрович Любимов (с супругой).

И не только я один готов ущипнуть себя – не сон ли?! Глава района Александр Смирнов, приветствуя Юрия Любимова на сцене нашего ДК, сказал так: «Мы стали сегодня свидетелями чуда...». Да-да, верно: Любимов в Данилове – это чудо! И чтоб такое понять, надо знать, ощущать всемирный масштаб личности Мастера, надо помнить, что Театр Любимова навеки и золотом вписан в историю Культуры.

Ох, не люблю лишнего пафоса (а куда ж тут без него?!), спускаюсь

на грешную землю.

Серенький прохладный денёк, но хоть без дождя. Отворот с трассы Москва – Холмогоры, придорожный указатель: «Данилов». Вереница машин на обочине, волнение, ожидание... Хлеб-соль, красивое полотенце, бокалы с вином, симпатичные даниловны и даже сам глава с букетом – наготове. Ну, правильно – где ж ещё встречать долгожданного гостя?! Вот крики: «Едут! Едут!..». Юрий Петрович выходит из машины – чёрное просторное пальто, стильная кепка, длинный, поверх пальто, шарф. Рядом супруга – поправляет ему шарф, приглаживает волосы, и вот – явление Любимова народу. Включены телекамеры, слепят фотовспышки (откуда столько нашего брата понаехало?!). Поистине момент исторический...

И как сладко, скажу вам, приобщаться к живой истории! Интересно отмечать детали, которые для кого-то останутся незамеченными. Вот огромный торжественный каравай подносят Любимову и тут же куда-то готовы его унести. «Дайте-дайте, – оставив наливает он, – ущипну кусочек...». А фоном звучит раздольное, цыганское: «К нам приехал, к нам приехал, Юрий Петрович дорогой!..». Вот подносят – ему и ей – бокалы красного вина. И фоном: «Пей до дна, пей до дна...». А бокалы-то большие и до дна далеко. «Эх, глоток водочки бы – по погоде...», – сожалеет, пригубив, гость.

И тут же, прямо на проезжей части, разворачиваются фигуры местной кадрили – плясуньи вовлекают Любимова в круг. А он что же – будет сопротивляться? Да никогда!.. Вот

У дома, который построил дед. Память отматывает назад целую жизнь... Фото Сергея Метелицы.

уникальные кадры, которые должны бы увидеть все и прежде всего – те «золотушные» актёры Таганки, что, предав своего Учителя, чувствуют себя победителями: посреди дороги, возле указателя «Данилов», 94-летний Любимов отплясывает с девчонкой кадрили... Нет, такого человека замарать грязью нельзя, победить нельзя, сломить его дух нельзя!.. Потому что это – Любимов. Родом из могучих ярославско-даниловских мужиков.

А день-то стоит праздничный: осенняя Казанская – раз, «народное единство» – два. Весь автокараван едет в городскую церковь – к Николе Чудотворцу. Разве может человек православный в такой праздник обойти храм стороной?! «Я помню, – пишет Юрий Петрович в своих мемуарах, – как меня крестили. Мне кажется, что первое моё впечатление от жизни – это купель под водой: меня окунули в чашу серебряную – ух! – и я вышел. Наверно серебряную, потому что уж очень она сияла. И вода в сиянии в сильном вибрирует...».

Это же счастье – в начале жизни запомнить блеск и сияние крестильной купели!.. И потому так легко нашёл Любимов общий язык с отцом

Михаилом, благочинным. И потому так благоговейно подходил к иконам, крестился, ставил возле них свечи и с неподдельным интересом внимал истории обретения образа нашего святого блаженного Илии Даниловского. А копию этой храмовой иконы в изящном киоте – с благодарностью принял в подарок, для своего домашнего «красного угла».

– Меня в этот храм на Торговой площади, – рассказал Юрий Петрович, – не раз водил мой дед. Как в город поедem, обязательно зайдёт помолиться, свечи поставить... – И добавил: – Надо бы помочь храму, подумаю как, побыстрее обрести прежнюю красоту...

А что тут я могу добавить? Молились, православные, за здоровье раба Божия Юрия! Долгие годы жизни на сцене и со сценой, всё это лицедейство (которое не очень-то приветствует Церковь) не изжили в нашем Артисте трепетное религиозное чувство.

Может, поэтому вести его к нашему Дому культуры, полвека назад оккупировавшему Воскресенский собор, – затея рискованная. Остановился Любимов у входа, у четырёх нелепых колонн, поставленных тогда на месте

трёх алтарных апсид, и – помрачнел. «А что другого можно было ждать от большевиков? – сказал. – Столкнуться лбами Культуру и Веру для них – удовольствие».

Но энергичная Прошунина (*руководитель народного театра – Р.А.*) тянет гостя в свой «Диодор». Если рыбак рыбака видит издалека, то уж режиссёр режиссёра – и подавно. Как только ступил Любимов на даниловскую землю, тут же они с Галиной Михайловной и расцеловались, и уж потом ни на шаг она не отпускала «подшефного».

Не знаю – я бы заплакал, переступив впервые такой «театральный порог». В бывшей подсобке теперь у Прошуниной театральный музей, где нашлось место и Татьяне Дорониной, и Алексею Смирнову (Макарычу), и, конечно, Юрию Любимову. «Мы теперь ведь не поганки – мы играли на Таганке!» – это звучит гордо. Пора заказывать блузы с таким девизом и переодевать в них всех местных артистов... Крутая лестница вверх, и вот вам – в бывшей кинобудке – всё хозяйство прогретое в Москве «Диодора». Тут и зрительный зал, и сцена, и кабинет худрука. А сейчас –

накрыт стол, за который усаживают дорогих гостей попить чайку.

Да, посидеть бы здесь с Мастером часок-другой, послушать бы «рассказы старого трепача» (так назвал он свою книгу мемуаров). Но ведь внизу, в зале, идёт концерт, открывающий юбилейный (к будущему 95-летию) «любимовский фестиваль», и там с нетерпением ждут его.

Честно скажу, давно не видел, чтоб ни одного свободного места, чтоб люди стояли вдоль стен; не слышал таких дружных аплодисментов, такой овации; не помню, чтоб было столько радости на лицах – когда шёл к сцене и поднимался на неё Юрий Петрович Любимов. Ай, да даниловцы! Не подкачали – горячо приняли именитого земляка. А у него к нам есть хорошее, хоть и редкое словечко-обращение: «сородичи». Сказал: «Дорогие сородичи!». И сразу как-то все породнились...

Гвоздём дневной программы стало, как и ожидалось, свидание Любимова с домом его деда. Узнает – не узнает?.. Тот – не тот?.. Не ошиблась ли старая деревенская жительница, опознав дом на Урицкого, 45а как «дом Любимовых из Абрамова»?.. Не поторопились ли городские власти повесить на доме мемориальную доску?..

Можно себе представить волнение внука... Свидание со своим детством, свидание с родным дедом – интимные моменты частной жизни... А число телевизионщиков, фотокоров и просто «кОров» всё прибывает. Вот уже, кажется, и не протиснуться в узкий коридор – туда, где видны старые янтарные брёвна, где старая лестница ведёт на второй этаж... Но Юрию Петровичу многолюдье, похоже, не помеха – сосредоточен, молчалив. Трогает рукою одно бревно, другое,

рассматривает ровные, аккуратные швы конопатки... Лестница? Да, была, на этом же месте... Только вот старые балясины пропали.

Любимов заходит в одну из квартир на первом этаже. «Не бойтесь, – говорит хозяйке, – никто у вас жильё отбирать не будет, никто, как деда моего, на мороз не выгонит...».

Потом выходим на улицу. Крыльцо другое – простоватое, на крыше шифер – не железо, наличники с окон исчезли. И тёмом дом не был обшит, да и повернут был на деревенскую улицу не боком, а фасадом.

– Но сам дом – тот, дедовский? – спрашиваем почти хором.

– Дом тот. Только много переделок...

– А дух родного дома удалось почувствовать?

– Нет, дух пропал...

Театральный режиссёр призван управлять эмоциями других, он может так или эдак повернуть действо на сцене, может заставить зрителей смеяться или плакать. А как тут – самому – справиться с эмоциональной перегрузкой?.. Любимов тяжело идёт к машине, спрашивает: «Может, в Абрамово-то и не поедём?.. Там же, говорят, голое поле, только один колодец остался...».

И всё же отправляемся в ту сторону, поскольку в Торопове хотим показать Юрию Петровичу старую церковь, где, вероятно, был старостой его дед – Захар Петрович Любимов. Да и обед в одном из сельских домов уже готов – не остыл бы...

Мимо Абрамова, что стояло когда-то у Романовской дороги в десяти верстах южнее города, проскакиваем, можно сказать, с ветерком. При тормозили лишь на минутку. Юрий Петрович даже из машины не вы-

шел, взглянул через стекло на свежий зелёный щит у обочины – «бывшая деревня Абрамова» – да на пробитую тракторами колею вдоль несуществующего посада... Нет, нелегко, ой, нелегко лелеять в сердце «любовь к родному пепелищу»!..

А созерцание Воскресенской церкви в Торопове – тоже испытание нервов. Построенная в конце XVIII века и когда-то богато украшенная, наполненная святыми образами и дорогой церковной утварью, ухоженная и почитаемая, сегодня она представляет печальное зрелище. Любимов, чтоб не травмировать себя, не решился зайти внутрь и всё понял, едва взглянув на берёзы на крыше, на рухнувший карниз, на пустые окна... Сюда водил его дед, здесь иногда мальчишкой Любимов прислуживал –

Земляки встречают Юрия Петровича на дороге, у въезда в Данилов.

Первый визит – к Николаю Чудотворцу, в тот храм, где он бывал вместе с дедом.

любил разжигать кадило, махать им, как батюшка, вдыхать струи ароматного ладана...

Обед в сельском доме описывать не буду. Скажу лишь, что хозяйка была на высоте, что на столе были простые, свои деревенские продукты, что всё было вкусно, что речи были тёплые, а тосты – краткие и искренние. И московские гости оттаяли, подобрались. И Юрий Петрович снова был в центре внимания и сказал – не приезжал сюда долго потому, что был «страшно замотан – с утра до ночи» и что «артисты – такие звери, которые и здорового в гроб вгонят». Ещё сказал, что «ушёл из театра из-за безобразия чиновников и артистов. Но зато к вам приехал. А так бы времени не было...».

Село Торопово у нас славится многим. И книжки свои выпускает,

и людьми своими гордится, и историю свою помнит. Теперь прибавится в селе достопримечательность – на том доме придётся вешать памятную доску: «Здесь обедал Ю. П. Любимов, наш земляк и человек мира».

Увы, на второй день в Данилове он не остался – извинился: в Москве – срочные переговоры о постановке в Большом театре оперы Бородина «Князь Игорь». И было бы странно, если бы Мастер такого высочайшего класса оказался без работы...

С собой в столицу чета Любимовых повезла дары даниловской земли – мёд, творог, клёкву... Мы ещё, значит, живы. Коль умеем быть гостеприимными. Коль знаем, на чьей стороне правда, а на чьей – ложь. Коль любим Любимова.

Данилов. Ноябрь, 2011.

ЛЮБОВЬ К ЛОШАДЯМ

Евгений ЕРМОЛИН

Мне почему-то кажется, что музыкальные синкопы Юрия Любимова пришли с ним в театр не из немецкой социальной зонг-дидактики Брехта и даже не из старовахтанговского закавказского чародейства, а от деда-цыгана. Генетически, эмпатийно. «Мама была полуцыганка, и дед был очень недоволен этим браком. Мой другой дед – по линии матери – был чистый цыган, но оседлый. Он очень любил лошадей и на выезд держал двух лошадей всегда. Просто из любви к лошадям, хотя не был богат».

Вот он, мальчишкой, жил и не тужил, уже в столице, а тут случилось: «Меня однажды привели в театр «Ромэн». И вот когда они начали свои дела – я весь заходился!».

Это, между прочим, остро почувствовал Владимир Высоцкий, сам полукровка, подначивавший Любимова:

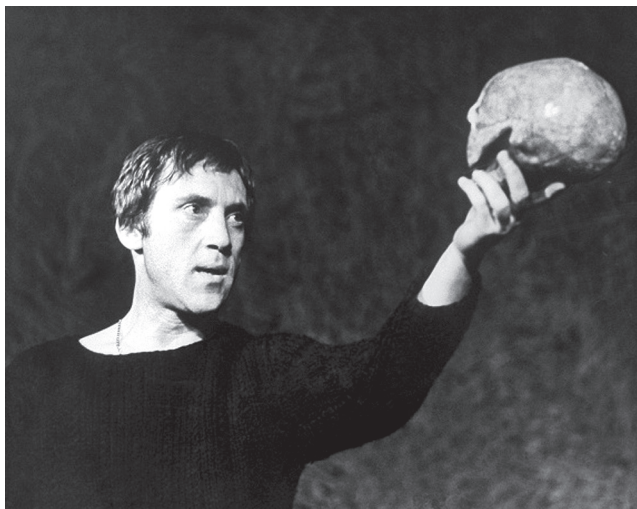
*Зачем гадать цыгану на ладонях,
Он сам хозяин над своей судьбой.
Скачи, цыган, на «Деревянных
конях»,
Гони коней!..*

Евреям и цыганам, людям с прострелом в крови, в середине XX века неуютно жилось в Европе – и в известных обстоятельствах большого

выбора не оставалось, кроме как искать себя в пределах советского метанационального проекта. Однако им, как, впрочем, часто и русским, хотелось удрать какую-нибудь штуку, как-нить учудить, что-то такое накуролесить.

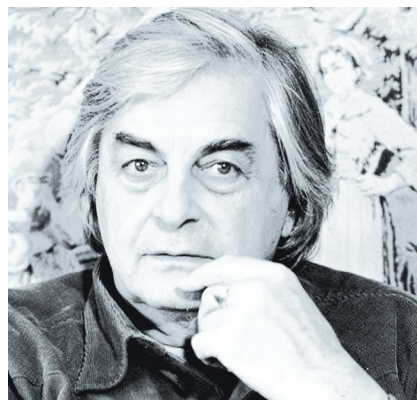
Из этого иногда получался, например, неплохой театр. Правильно говорят, что главной темой такого театра была свобода личности, подавляемой запретами и нарушающей эти запреты, выходящей из повиновения. «Это была единая линия: от первого спектакля она

Юрий Любимов – режиссёр театра на Таганке – устроил перманентную революцию в одном отдельно взятом театральном зале.

Владимир
Высоцкий в роли
Гамлета.

Сцена спектакля
«Добрый человек
и Сезуана».

шла через «Десять дней, которые потрясли мир» (1965), «Жизнь Галилея» (1966), постановки «Пугачёв» (1967) и «Мать» (1969) к «Гамлету» (1971), «Товарищ, верь...» (1973) и «Мастеру и Маргарите» (1977). Высоцкий был зримым символом этой темы» (Михаил Золотоносов).

И это закономерно был театр, где юродство мешалось со скоморошиной; а там, где они, там и песенка, и музыка.

Реанимируя свои впечатления от давних спектаклей Любимова, я готов предположить, что драма-

тическая их форма несла в себе оперное содержание. Это не та опера из академического театра шороха и скрипа имени Мамонта Дальского, с плюшевыми креслами и кулисами, с раскидистым мраморным занавесом, с выверенными по линейке голосами солистов и сокрушительным воем хора. Нет, это искусство, которое принесло благозвучие в жертву народности. А народность во второй половине века означала скоморошью хрип Высоцкого и причитанья Золотухина, означала «товарищ-гитару», сопелки и свистки и паузы Шнитке...

Как известно, театр Любимова начался с поставленного с курсом вахтанговского училища спектакля по пьесе Бертольта Брехта «Добрый человек из Сезуана» (1963). Театроведы понимают: главная политическая мина оказалась заложена в Брехте как таковом. Брехт был создателем эпического театра с прямыми политическими выпадами, критикой социальной лжи господствующих классов, «основанной на марксистском мировоззрении». Брехт возбуждал в зрителе острый критический настрой. Этому служили зонги, исполняемые актёром после

того, как он вышел из образа. Было ясно, что Любимов просто пользуется и прикрывается соцреалистом Брехтом, создавая политический театр с «критикой социальной лжи господствующих классов». Только этим классом у Любимова оказалась советская номенклатура...

Так говорят театроведы. Однако Брехт пытался работать над прояснением сознания, над внесением в него политической сознательности, с тем чтобы побудить сограждан к восстанию и социальной трансформации. Любимов же на сей счёт едва ли слишком сильно обольщался. Он решал совсем другую задачу: вскрывал, легитимировал, опубличивал подсознание тех, у кого оно было (а у кого его не было? Кто в те глухие годы искреннее и истово любил заскорузлую роднюлку-соввласть?.. Вот то-то). Предполагался сеанс специфического психоанализа, который не вёл к кардинальным изменениям, поскольку трудно было верить в таковые в стране «чугуна и свинца». «Даже стулья плетёные держатся здесь на болтах и на гайках», как написал тогда один поэт-тунеядец.

Спектакль скорее создавал пространство солидарности, позволяя пережить испуг и восторг от правды, по-юродски высказанной практически вслух актёром, выходящим из роли в зал.

Действо было овеяно эмоциями. А потому неизбежно нуждалось в тех акцентах, которые дают музыка, свет, острый ракурс, активное зрительское соучастие в игре. «Эстетика Таганки основывалась на использовании всех мыслимых выразительных средств: от предельно натуралистичных до предельно условных, причём поражали избыточность этих средств в одном спектакле и их иной раз изощрённо сложная концептуальность – вроде знаменитого шерстяного занавеса в «Гамлете». Спектакли производили ощущение праздника, отмены табу, эстетических и политических» (Золотоносов).

Это была перманентная революция в одном отдельно взятом театральном зале на Таганке – месте, где театр рифмуется с тюрьмой.

«Более двух десятилетий сонную столицу сотрясал маленький, отчаянный, безумно смелый крохотный островок свободы – театр на Таганке. В нём открыто говорили то, о чём боялись шептаться на кухне, в нём звучала философская мудрость классики так, что «Гамлета» партийные боссы боялись больше, чем новой революции», – пишет публицист Злата Рапп-Гервалдене, внучка известного рыбинского прозаика Михаила Рапова.

Такой театр был нужен всем и не вредил по самому большому счёту никому. И этого хватило на двадцать лет. То есть до того внезапного момента, когда находившийся за границей Любимов оказался вдруг лишён советского гражданства.

Товарищи начальники маразмизировали, что сказать? Запрещали — ради стабильности — всё, что попадалось под руку. Ходили под себя вместо того, чтобы ходить перед Богом (ну, пусть хоть перед советским идеологическим божком, всё же любившим иногда «критику и самокритику»).

Потеряв любимый театр, его зрители, и даже некоторые актёры, пошли в живую и реальную политику, в Realpolitik по-тогдашнему, и вскоре СССР рухнул.

Для Любимова же началась новая эпоха, когда он обращается к опере в её «чистом виде», экспериментирует со сложившейся оперной формой. На счету мастера свыше двадцати оперных постановок, созданных им на крупнейших сценах разных стран. Конечно, трудно говорить о том, что ты не видел вообще. Но веришь, что его спектакли и на далёких сценах были удивительными экстрактами. Только высказывание уже звучало более непринужденно, не для немедленного соучастия зрителей, а скорее как исповедание авторского кредо.

Остановлюсь на последних постановках мастера.

На сцене Большого театра он представил новую версию «Князя Игоря». Опера Бородина звучала по-новому. Любимов о музыке Бородина отзывался нелестно: «Мне предстоит большая сложная работа, так как опера Бородина рыхлая, музыка — средняя. Недаром к ней прикладывали руку, исправляли, сокращали и Римский-Корсаков, и Глазунов». У Любимова к ним прибавились Владимир Мартынов и Павел Карманов. Режиссёр признал, что «создание новой музыкальной редакции было задачей не из лёгких, в результате опера стала компактнее, динамичнее и эмоционально насыщеннее».

Критик Дмитрий Ренанский замечал: «Дух Таганки веет где хочет — в том числе и на подмостках Большого». На фоне этнографической оперной пошлости с её мягкими декорациями и развесистыми псевдоисторическими костюмами упруго-поджарая версия Любимова смотрится радикально. Ключевое послевкусие от премьеры «Князя Игоря»: в репертуаре Большого появился спектакль высокой театральной культуры, не стремящийся порвать

В «Бесах» режиссёр Любимов отвел музыке главное место.

Четырехчасовое действие постановки «Бесы» по роману Достоевского погружают зрителя в мир подлинного театра.

с традицией большого оперного стиля — но обновляющий эту традицию изнутри прививкой узнаваемой любимовской эстетики. Самый остроумный *coupdethéâtre* — «Половецкие танцы» Касьяна Голейзовского, использованные Любимовым как реди-мейд, как цитата из балетного китча сталинской поры со всей её варварской, вульгарной роскошью, столь эффектно оттеняющей аскезу «русских» картин спектакля.

«Мне хотелось меньше академизма и больше драматизма. Поэтому

в музыкальное сопровождение танца мы добавили бубны и другие ударные инструменты. Я даже разрешил артистам свистеть», – пояснял режиссёр.

«Князь Игорь», фиксировал Ренанский, выглядел ностальгическим оммажем золотому веку Таганки, проектом, которому суждено было лишний раз доказать, что художественная идея Театра на Таганке не приписана к адресу Земляной Вал, 76/21 и по воле её хозяина и основоположника может реализовываться где и когда угодно – в том числе и на подмостках Большого.

А в московской «Новой опере» Любимов поставил оперу-буфф на музыку Владимира Мартынова

«Школа жён». Сюжет, придуманный Любимовым, таков. Глупые и безалаберные актёры под руководством великого Мольера репетируют пьесу, ожидая появления «короля-солнца» Людовика XIV. Режиссёр не избегал автобиографичности: капризные артисты прямо-таки издевались над усталым худруком. Когда все оказались окончательно измотаны, ничего создать не получалось, актёры в ужасе предчувствовали, что король придёт прямо сейчас, выяснилось, что король не придёт.

Критик Алексей Киселев отмечал: с одной стороны, в спектакле выдержана каноническая структура французской комической оперы с речитативами и чуть ли не бытовыми диалогами, в котором исполнителям задан не менее канонический жанр оперы-буффа. Здесь всё запросто сходится в увеселительный пазл. С другой, это совершенно невозможно назвать оперой. «Знатоки при прослушивании совершат путешествие от Монтеверди через Стравинского к Уэбберу и обратно, поминутно зависая в нарочитой репетитивности; такой краткий справочник по истории жанра, в задачи которого ни разу не входит вторить комическим поворотам драматургии. На самом же деле, в этой экскурсии по музею музыкальных форм содержится наглядная рифма сюжетной коллизии: растерянный Мольер и так и сяк пробует что-то придумать со своей труппой, но спектаклем становится именно эта, ни к чему не приводящая апробация всего возможного». Здесь есть тексты из миниатюр и одноакт-

ных комедий Козьмы Пруткова, есть фразы Томаса Манна, сцены из произведений Мольера, произведение американского поэта Роберта Фроста и ещё ряд совершенно разных текстов. А «Школа жён» – это название от некоего предыдущего замысла Любимова...

Ну и вот что пишут об одной из последних постановок Любимова, о «Бесах» по роману Достоевского, в театре Вахтангова. «Центральное место на сцене отведено чёрному роялю. Звучит музыка Стравинского и Мартынова. Музыка никогда не использовалась Любимовым в прикладных целях, но в «Бесах» режиссёр отвёл ей главное место. Именно музыкальная партитура не только ведёт действие, задавая ему нужный ритм и определяя темп, но и становится мощной движущей силой грандиозного по размаху проекта... Четырёхчасовое действие погружает зрителей не только в сюжетные и смысловые перипетии «Бесов», но и в мир подлинной литературы, музыки, подлинного театра, где нет места фальши и дешёвой лжи».

Да, в самые зрелые и поздние годы Любимов оставался верен себе. И проблема, пожалуй, лишь в том, что спрос на юродскую правду стал меньше. Вон её сколько – в прессе, в интернете... Но в жизни всё также больше лжи.

Вы спросите, а зачем же тогда запонадобилось и сегодня искусство?

А «просто из любви к лошадям».

Если вокруг так мало любви, если её почти вовсе нет, это ведь не повод и нам не любить! •

Сцена из спектакля «Князь Игорь» в новой версии Юрия Любимова.